

Трудомагическая сила письма

Для Марра язык — не знаменательная система, но действие. Согласно американскому лингвисту Уолтеру Онгу, именно эта исключительная ориентация на язык как действие характерна для неписьменных, устных культур³⁰. В связи с отождествлением языка и действия Онг выставляет еще один характерный момент определения языка в неписьменных, устных культурах — это представление о магии языка³¹. И в теоретической концепции языка Марра магические силы играют ключевую роль: из определения языка как «трудомагического» действия, выводятся две линии аргументации.

Во-первых, грамматический строй языка базируется не на знаменательном акте и, таким образом, не на именительных частях речи (что является аксиомой в западноевропейской языковедческой традиции, исходящей из теории грамматики и логики Пор-Рояля³²), но на сказуемой/предикативной части речи (Марр как бы проецирует эргативность грузинского языка на структуру русского).

Во-вторых, Марр неожиданно связывает представление о языке как (трудо-) магическом действии не с устной речью, но с письмом. Согласно Марру, письмо — это магическое языковое действие, которое в исторической перспективе предшествует звуковому языку. Именно на уровне языка жестов, т. е. «линейного» или «ручного» языка возникают и его магические силы: «И вот этот первичный... язык может получить дату своего происхождения на той ступени стадийного развития человечества..., к которому относятся или могут быть отнесены предметы с изобразительными мотивами, поскольку в этих изобразительных мотивах можно распознать магически значимые геометрические..., растительные или фигуральные, рисунки-символы, зачатки первобытной письменности»³³. С помощью этимологическо-анаграмматических спекуляций Марр доказывает, что «все эти термины (письменности) носят в (конечном счете) племенное название, (первичное) название бога — “тотем”, “магия”»³⁴.

Таким образом, в рамках марровской спекулятивной конструкции каждый языковой акт, несмотря на форму репрезентации в устной речи или в письме, приобретает магическую силу: «Встреча “руки” и магии в первичном названии “письма-книги” получает свое оправдание не только в технике по наследию названия от кинетической, или линейной, речи, ручной речи, но и по приобщению руки к магической функции согласно требованиям соответственного мировоззрения; и вот потребности от выросшего, не уместяющегося в средства ручного языка накопления идей, обязанных своим происхождением развитию материальной культуры, самого производства и его техники, а с нею неразрывно и социальной структуры, вызвали к жизни диалектический процесс выделения из единой в начале кинетической, или линейной, речи, ручной речи, двух языков, из коих один — звуковой язык, другой — письменный, т. е. письмо, первично магическое письмо...»³⁵

Как своеобразное историческое осмысление письма как формы дозвукового, «ручного» языка, так и отождествление «магии слов»³⁶ не с устной сферой языка, но с письмом, ориентировано на то, чтобы элиминировать прагматические возможности письма (именно письмо как визуальный медиум формализации и абстракции нейтрализует магические и харизматические силы языка, тогда как у Марра, наоборот, письмо связывается с магией языка). Эта магическая оценка языка в значительной мере совпадает с этнографическом описанием, которое дает Левистресс в книге «Печальные тропики», где он рассказывает об одном южноамериканском племени, не владеющем письменностью, вождь которого не умеет писать и подражает жесту письма, который он наблюдал у европейских этнологов, чтобы

с помощью этой тайно-магической практики укрепить харизму своей власти³⁷. Точно таким же образом и у Марра магическая сила (устного) языка не просто переносится на письмо, но *осознается* и усиливается именно посредством письма.

В перспективе этой трудомагической силы языка, т. е. письма, стоит и марровская интерпретация отношения мышления к языку. Исходной точкой здесь является уравнение «язык=мысль»³⁸, которое, на первый взгляд, вполне соответствует предпосылке теории языка, общей для Аристотеля, грамматики и логики Пор-Рояля, Соссюра. Существенная разница в отношении к этой традиции состоит в том, что здесь язык осмысливается с точки зрения письма как формально-абстрактная система сигнификации³⁹, так как у Марра язык отождествляется с письмом, но интерпретируется с точки зрения устной речи. Уравнивая мышление с языком, Марр как бы очищает мышление от всех существенных моментов абстракции и формализации, превращая и мышление в своеобразную, магическую практику: «И вот тут-то и приходит на помощь язык и, вызывая из забвения, напоминает то, чего нельзя забывать, ибо язык есть не просто звучание, а и мышление, да и не одно мышление, а накопление смен мышления, смен мировоззрения, также двигающих сил, и потому в нем, мышлении, имеем магическое средство для сдвигов в производстве и производственных отношениях не только при их зарождении в зачаточных формах социальной структуры, но и в наши дни»⁴⁰. Таким образом, снимается и разница между ментально-внутренним, сознательным процессом и внешней деятельностью. Язык (письмо или устная речь) — это не средство для (критического) осознания разницы между фиктивно-имагинативной, внутренней сферой и внешним, эмпирическим, фактическим миром, но, наоборот, язык — магический инструмент для элиминации этой разницы, — магический инструмент, который непосредственно участвует в самом производственном процессе: «Языком-мышлением приходится пользоваться как магическим средством, чтобы не только мимолетно приподнять настроение в работе, усилить темпы и с увлечением успешно довести свое сегодняшнее дело до конца, но организовать труд с осознанной на многие годы планировкой в условиях беспрепятственного его технического усовершенствования»⁴¹. Язык не знаменует и не *описывает* действительность, но сам участвует в построении этой действительности⁴².

ПРИМЕЧАНИЯ

1 О советской графомании и ее традициях см.: *Svetlana Boym. Common Places: Mythologies of Everyday Life in Russia. Cambridge/Mass, London, 1994. P. 168—214* («Writing Common Places: Graphomania»).

2 См.: *Hans Gunther. Die Verstaatlichung der Literatur. Entstehung und Funktionsweise des sozialistisch-realistischen Kanons in der sowjetischen Literatur der 30er Jahre. Stuttgart, 1984.*

3 См.: *Евгений Добренко. Формовка советского писателя: Социальные и эстетические истоки советской литературной культуры. СПб., 1999.*

4 Один из примеров такой советской литературной амбиции более позднего периода вне писательского профессионализма анализирует Н. Н. Козлова в статье «Документ жизни: опыт социологического чтения» (В кн.: СоциоЛогос-96. М., 1996. С. 229—256).

5 См.: *Jurij Murashov. Fatale Dokumente. Totalitarismus und Schrift bei Solzhenicyn, Kish und Sorokin // Schreibhefte, 1995. № 46. S. 84—92.*

6 См.: *Jurij Murashov. Filmbild als Sprachgeste. Zu Eisensteins «Panzerkreuzer "Potemkin"» // Balagan. 1996. № 2. S. 105—123.*

7 Ср. рассказ в картинках Маршака «Почтальон».

8 См.: *Велимир Хлебников. Творения. М., 1986. С. 498.*

9 Особенно интересен в этом отношении массовый спектакль «Взятие Зимнего дворца» (1920), в котором совпадают историческое и условно-театральное простран-

ство. В этот контекст вписывается и концепция «театрализации жизни» главного режиссера Николая Евреинова.

10 Об исторической и структурной связи изобретения письма и возникновения театра в греческой культуре см.: *Derrick de Kerckhove. A Theory of Greek Tragedy // Substance: A review of Theory and Literary Criticism. 1981. № 29. S. 23—36.*

11 *Вс. Вишневский. Собр. соч.: В 6 т. М., 1956. Т. 1. С. 258.*

12 В то же время возникают некоторые соцреалистические тенденции уже в авангардно-революционном искусстве как, например, в фильме «Броненосец Потемкин», где главный герой-революционер Вакулинчук выступает с агитационной речью, держа в руке лист бумаги. Существенная разница между Эйзенштейном и Вишневским состоит в том, что у последнего проблема письма приобретает сюжетные функции.

13 Проблему внутренней речи Выготский анализирует в главе «Мысль и слово» в кн. «Мышление и речь» (1934). Несмотря на то, что Выготский на протяжении всей книги ссылается на эмпирические данные проводимых экспериментов, в самой теории «внутренней речи» все понятия и категории даны на примерах из литературы!

14 См.: *В. Н. Волошинов. Стилистика художественной речи // Литературная учеба (далее: ЛУ). 1930. № 2. С. 48—66; его же. Что такое язык? // ЛУ. 1930. № 3. С. 65 — 87; его же. Конструкция высказывания // ЛУ. 1930. № 5. С. 43—59 («Слово и его социальная функция»).*

15 См.: «Происхождение терминов “книга” и “письмо” в освещении яфетической теории» (1926), «Язык и письмо» (1929), «Язык и письмо» (1930), «К реформе письма и грамматики» (1930), «Язык и мышление» (1931), «Язык и современность» (1932), «Письмо и язык» (1933).

16 *Н. Я. Марр. Язык и письмо (1929) // Н. Я. Марр. Избранные работы. Л., 1936. Т. 2. С. 352.*

17 Там же. С. 353.

18 Там же. С. 353.

19 Там же. С. 354.

20 Язык и современность (1932). Л., 1932. С. 11, 9.

21 См.: *Claude Levi-Strauss. Tristes tropiques. Paris, 1955. P. 337—349; Юрий Мурашов. Восстание голоса против письма: О диалогизме Бахтина // Новое литературное обозрение. 1995. № 16. С. 24—31.*

22 См., например, у Соссюра, его «Cours de linguistique générale», с одной стороны, и его анаграмматическая поэтика, с другой.

23 Ср. «сдвигология» в авангарде/футуризме (Крученых).

24 См.: Язык и письмо. С. 358.

25 Там же. С. 360 (выделено в тексте нами).

26 Там же. С. 360.

27 См. о проблеме «руки»: *Friedrich Kittler. Gramophon, Film, Typewriter. Berlin, 1986. S. 290—293.*

28 См.: Язык и письмо. С. 366 (выделено в тексте нами).

29 Там же. С. 367.

30 *Walter Ong. Orality and Literacy: Technologizing of the Word. London, NY, 1995. P. 31—33.*

31 Там же. С. 74.

32 См.: *A. Arnault, S. Lancelot. Grammaire general et raisonnee (Paris 1660). Genève, 1972.*

33 См.: Язык и письмо. С. 364.

34 Там же. С. 364. Ср. со статьей «Происхождение терминов “книга” и “письмо” в освещении яфетической теории».

35 См.: Язык и письмо. С. 365.

36 См.: *Андрей Белый. Магия слов (1905); А. Блок. Поэтика заговоров и заклинаний.*

37 См.: *Claude Levi-Strauss. Tristes tropiques. P. 337—349.*

38 Язык и современность. С. 9.

39 См.: *Christian Stetter. Schrift und Sprache. Frankfurt a. M., 1997.*

40 Язык и современность. С. 9.

41 Там же. С. 9.

42 Именно об этом идет речь в работе Сталина «Марксизм и вопросы языкознания».